

Михаил Хазин

ВОСПОМИНАНИЯ
О БУДУЩЕМ

ИДЕИ
СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИКИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Михаил Хазин
Воспоминания о будущем

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 330
ББК 65

Хазин М. Л.

Воспоминания о будущем / М. Л. Хазин — «РИПОЛ Классик»,
2019

ISBN 978-5-386-12785-5

Издание представляет собой популярное авторское изложение экономических закономерностей, которые делают наш мир таким, каков он на сегодня есть. Через призму экономики и экономических процессов пропущены основополагающие события в истории человечества: смена формаций, открытие и завоевание новых материков и земель, появление религиозных доктрин, войны, их предпосылки и последствия. Особое внимание уделяется Глобальным Проектам, которые диктуют миру свои условия; кризисам, их зарождению, развитию и результатам. Автор, известный российский экономист и политолог, Михаил Хазин, пишет, что в книге отражено «как бы мне хотелось, чтобы выглядело преподавание экономики, под какую линию эту науку нужно выстроить». Издание второе, исправленное и дополненное.

УДК 330
ББК 65

ISBN 978-5-386-12785-5

© Хазин М. Л., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Хазин
Воспоминание о будущем
Идеи современной экономики

© Хазин М. Л., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

*Посвящается светлой памяти
Сергея Ильича Гавриленкова
(7 октября 1952 года – 26 июля 2019 года)*

Введение

Любой автор, начиная книгу (особенно когда книга нехудожественная), должен, если не хочет прослыть графоманом, объяснить, для чего она написана. Тем более если она посвящена теме, которую исходили уже вдоль и поперек многочисленные исследователи, некоторые из которых давно стали классиками. Правда, одни из них зачастую сильно ругают других, но это только дает читателю надежду на то, что тема, пусть и в разных книгах, описана достаточно полно.

Отмечу, что получается это не всегда. Собственно, книги, в которых четко понятно, для чего они написаны, встречаются достаточно редко. Фразу «Рукописи не горят!» из «Мастера и Маргариты» Булгакова знают практически все, слово «Повременить!» в «Альтисте Данилове» Владимира Орлова менее известно, но это, скорее, исключения. А для чего писать новую книгу по экономике? С чем нужно «повременить» в современной экономической науке?

Ситуацию усугубляет то, что несколько книг по экономике я уже написал. «Закат империи доллара и конец „Rex Americana“» (написана совместно с Андреем Кобяковым в 2002-2003 гг.) легализовала тему предстоящего экономического кризиса и частично – ряд кризисных процессов (например, именно в ней описаны валютные зоны, о которых сегодня столько говорится).

«Черный лебедь мирового кризиса» просто собрал годовые прогнозы и обращения к читателям на моем сайте, что позволило не только раз и навсегда снять вопрос о том, что я задним числом эти прогнозы редактирую (как будто нельзя посмотреть вебархивы!), но и показать историю развития экономической мысли той группы экономических экспертов, к которой я принадлежу. А вот для чего нужна новая книга?

Тема кризиса стала уже общим местом, желающие разобраться в новой его теории имеют возможность читать целый ряд сайтов (включая khazin.ru, на котором хранятся практически все мои материалы с 2000 г.). В чем смысл новой книги, кроме некоторых методологических уточнений и более регулярного представления уже опубликованных материалов?

Связано ее появление на самом деле с реализацией почти детской моей мечты. Дело в том, что, когда я начал заниматься экономикой (в конце 80-х годов, т. е. будучи уже вполне взрослым человеком), первое время я был несколько шокирован тем, какое большое количество разных теорий, рассуждений, моделей и концепций описывает одно и то же явление. Для примера можно привести многочисленные теории стоимости, которые подчас довольно сильно друг другу противоречат.

Но главная проблема этих теорий в другом. Любой, кто интересуется экономикой, знает, что можно довольно подробно изучить некоторое явление, узнать много моделей и концепций, а потом, перейдя к следующему объекту изучения, обнаружить, что все они больше нигде и никогда не используются... Что-то похожее есть в математике, в курсе «Уравнения в частных производных», известном также под названием «Уравнения математической физики», который представляет собой большое количество совершенно независимых друг от друга задач...

А хотелось бы получить что-то вроде курса «Линейной алгебры» или Теории функций комплексного переменного (ТФКП), которые при должной усидчивости можно освоить за один день. Потому что каждая следующая лекция естественным образом вытекает из предыдущей и «количество сущностей» растет линейным, а не экспоненциальным образом! Кстати, поскольку принцип бритвы Оккама был мне известен с раннего детства, такое количество моделей в экономической науке всегда наводило на подозрение, что за ними их авторы зачастую скрывают собственное непонимание вопросов...

К слову, многочисленные американские профессора, которые приезжали в Россию учить нас жизни в начале 90-х, в этом смысле меня сильно разочаровали. На общие вопросы они

отвечали типовыми мантрами, реальное содержание которых было давно утеряно, а как только дело доходило до конкретики, тут же выяснялось, что как раз именно в интересной мне теме они не специалисты. И предлагалось обратиться к «специалисту», имя и ссылки на которого тут же давались. Фокус в том, что пару раз я к этим «специалистам» обратиться смог (используя служебное положение в личных целях), но результат получился точно такой же. Мне было объяснено, что поскольку те, первые, профессора были не совсем в теме, то они недопоняли тонкостей вопроса и послали не совсем по адресу... А вот правильный адрес... И так далее.

Сформулирую эту мысль немножко иначе. Сегодня экономическая наука представляет собой большой сундук, в котором лежит колоссальное количество разных по размеру и упаковке коробочек. И, засовывая руку, ты не только никогда не знаешь, что вытацишь, но и, главное, как совместить разные коробочки, поскольку они никак не связаны друг с другом. И хорошо, если, открыв коробочку, ты не обнаружишь, что она, в свою очередь, представляет собой вместилище такого же количества коробочек, только поменьше. А если еще учесть идеологическую ангажированность (которая в экономике, как и в любой социальной науке, очень велика), то может оказаться, что в сундуке нет не только нужной вам коробочки, но нет даже той, используя которую можно попытаться самому сделать те или иные полезные выводы.

Как бывший школьный учитель, который много лет жизни (еще со школы, что является общей ситуацией для всех выпускников московских математических школ) потратил на обучение детей, я крайне трепетно отношусь к методологии. И хочу, чтобы в любом учебно-практическом курсе все было методологически ясно и понятно, чтобы каждый следующий шаг вытекал из предыдущего, даже если он в процессе своего развития уходит далеко в сторону от основной линии. В общем, если очень грубо, я хочу, чтобы мою книгу без острого чувства отвращения мог читать человек, получивший естественное или даже техническое образование. Математик, физик, инженер или конструктор. Иными словами, мне хотелось сделать такое изложение экономики, чтобы она методологически напоминала елочку, у которой есть главный, четко выраженный ствол. На нем могут расти разные веточки, они могут быть красивые и удивительные, так что по отдельности могут напоминать самостоятельные деревья, но все равно они должны расти от единого ствола, вернувшись к которому, можно продолжать свое движение в рамках изучения всей экономики в целом.

Мне довольно долго не удавалось нащупать соответствующий план. Но в конце концов это получилось, спасибо Олегу Григорьеву, который, собственно, этот план возродил в наше время уже на новой основе. Поскольку у классиков (на то они и классики!) соответствующее направление было, но по разным причинам, о которых я частично напишу в книге, оно было почти на 100 лет закрыто. И книга, которую я представляю читателям, как раз и является попыткой вырастить дерево экономической науки на базе главной, основополагающей идеи.

Сразу отмечу очень важный момент! Из того, что есть одна, сквозная линия, на которую нанизываются базовые экономические положения, вовсе не следует, что все остальные рассуждения и соображения не имеют места! Вообще говоря, крайне редко бывает так, что у серьезного явления только одна базовая причина; как минимум, есть еще довольно много факторов, которые должны собраться вместе для того, чтобы эта самая главная причина смогла сыграть. Для примера представьте себе объемный лабиринт, в котором находится мячик. Лабиринт нужно крутить, чтобы мячик попал в нужную точку и открылась дверца. Если крутишь неправильно, мячик куда надо не попадет, кручение эффекта не даст. Но если повезет, то в конце концов открывает дверцу все-таки именно мячик.

Такой сквозной идеей (рано или поздно главный секрет приходится открывать!) является углубление разделения труда. Эта идея, разумеется, не является универсальной, все равно при изложении экономической мысли появляются серьезные отклонения и ответвления, некоторые из которых носят совершенно неэкономический характер. Избежать их, впрочем, невоз-

можно, поскольку экономика – это социальная, общественная наука и говорить о ней в отрыве от поведения человека, прежде всего социального и иерархического, совершенно невозможно.

Кроме того, углубление разделения труда было всегда.

И именно по этой причине еще в XVIII в. Адам Смит считал его одним из главных факторов развития. Но, как будет видно из книги, именно последние 500 лет, с момента появления капитализма, этот процесс стал доминирующим и именно на его стимулирование была заточена вся экономическая политика, осуществляемая и «невидимой рукой рынка», и крупными корпорациями, и государствами. Именно снижение эффективности процесса стимулирования разделения труда и стало причиной нынешних экономических проблем. Адам Смит, кстати, отлично это понимал, но некоторые его мысли на эту тему были аккуратно задвинуты в темный угол.

Для меня стало некоторым откровением, что в сложившуюся на базе углубления разделения труда единую линию удалось уложить так много концепций и, в общем, втиснуть всю историю капитализма, от XVI до XXI в. Опять-таки, поскольку разделение труда – это концепция глобальная, выстраивать эту линию приходится, исходя из приоритета макроэкономики. То есть описанная здесь теория, безусловно, относится к политэкономической школе.

Есть еще одна причина, по которой я написал эту книгу. Дело в том, что современная наука (не только экономическая) представляет собой место жесточайших схваток «за первородство», в которых самое главное – застолбить за собой или за своей школой то или иное достижение. Соответственно, те идеи или мысли, которые высказываются представителями альтернативных групп, жесточайшим образом преследуются. Не говоря уже о базовых табу, которые сопровождают любую общественную науку, экономика тут не исключение.

Именно по этой причине я стараюсь не давать в этой книге ссылок (за исключением статистических данных). Ее цель – дать сквозную, системную линию, построенную на самых разных идеях, принадлежащих самым разным экономическим школам, и мне по большому счету совершенно все равно, кому они принадлежат и кто их впервые высказал. Это, кстати, относится и к моим собственным рассуждениям, которые в большинстве случаев встроены в книгу без ссылок на исходные тексты, поскольку целью является не доказательство того, что я что-то там когда-то первый придумал, а построение некоторого стройного дерева на почве экономической теории.

Собственно, по этой причине чисто формально можно считать, что эта книга посвящена в значительной части методологии экономической науки. Причем с сильным субъективным оттенком: как бы мне хотелось, чтобы выглядело преподавание экономики, под какую линию эту науку нужно выстроить. При этом, для того чтобы не получилась чисто схоластическая картина, методология ради методологии, в основу я все-таки положил найденные в процессе нашей совместной работы ответы на некоторые насущные вопросы, которые мне и моим коллегам не удалось найти в литературе и разговорах со специалистами.

По этой причине построение книги довольно простое. Я излагаю историю развития экономики (подробно – с начала XVI в., с появления капитализма) и по мере того, как появляются новые «сущности», которые необходимо разъяснить и описать, делаю соответствующие отступления. Именно по этой причине некоторые современные экономические явления (например, кризисы падения эффективности капитала) расписаны на несколько глав, которые перемежаются описаниями тех или иных исторических экономических процессов. Просто появились эти явления давно и в процессе развития мировой экономической системы у них проявлялись новые эффекты и функции.

Разумеется, иногда приходится немножко забегать вперед, иногда – возвращаться к прошлому, но общую историческую линию я старался выдержать. В конце концов, все-таки книгу читают люди современные, которые знают и чувствуют современные экономические процессы.

Получилось у меня или нет – решать читателю. Но надеюсь, что наши, мои и моих товарищей, многолетние усилия не пропали даром.

Прежде чем перейти собственно к содержанию книги, мне хотелось бы сказать несколько слов благодарности тем людям, которые внесли серьезный вклад в мое понимание реальности и позволили много понять о современном устройстве мира:

– прежде всего, моим учителям в экономике, Эмилию Борисовичу Ершову, Олегу Григорьеву, Юрию Михайловичу Осипову и Дмитрию Владимировичу Украинскому;

– моим многочисленным собеседникам по экономическим вопросам, как сторонникам экономики, так и политэкономии, в том числе Сергею Александровичу Васильеву, Олегу Вьюгину, Сергею Алексахенко, Евгению Григорьевичу Ясину, Якову Паппе, Григорию Сапову, Виктору Агроскину, Анатолию Круковцу, Андрею Акопянцу, Анатолию Левенчуку, Маргарите Иосифовне Тамбовской, Илье Ломакину-Румянцеву, Михаилу Леонтьеву, Михаилу Юрьеву, Михаилу Малютину и всем участникам АСПЭК, Андрею Кобякову, Владимиру Георгиевичу Панскову, Юрию Константиновичу и Андрею Юрьевичу Петровым, Юрию Дмитриевичу Маслюкову, Михаилу Юрьевичу Копейкину, Алексею Глаголеву, Георгию Петровичу Кутовому, Сергею Юрьевичу Глазьеву, Владимиру Червякову, Виктору Валентиновичу Кашищину, Александру Алексеевичу Нагорному, Магомеду Магомедову, Петру Адольфовичу Гваськову, Андрею Багно, Игорю Николаевичу Гутову, Юрию Николаевичу Солодухину, Дмитрию Митяеву, Алексею Кузьмину, Виктору Минину, Сергею Ильичу Гавриленкову, Василию Валентиновичу Ильичеву, Анатолию Алексеевичу Алексахину, Валерию Николаевичу Кустову, Александру Альбертовичу Гирзекорну, Сергею Величко, Владимиру Левченко, Григорию Трусову, Владимиру Туровскому, Сергею Белкину, Жаку Сапиру, Кариму Кажимкановичу Масимову и многим, многим другим;

– непосредственно помогавшим мне в работе над этой книгой Дмитрию Комарову, Сергею Егишянцу, Сергею Щеглову, Андрею Безрукову и Виктору Тимофеевичу Рязанову;

– директору Фонда экономических исследований Михаила Хазина Сергею Ильичеву, редактору группы сайтов Aurora. network Кириллу Рычкову и тем многочисленным спонсорам, которые обеспечивали нашу работу;

– моим родным и близким, которые позволили мне тратить бесконечное время на сидение за компьютером и витание мыслями в облаках;

– да и вообще всем, кто словом и делом помогал мне все те двадцать лет, что я занимался теоретическими вопросами экономики.

Глава 1

Несколько слов об истории появления новой теории

Как видно из Введения, эта книга – не учебник. Совсем. В ней не будет последовательного изложения всей экономической науки ни в формате политэкономии, ни в формате экономикс, ни в каком другом формате. С содержательной точки зрения она написана как ответ на совершенно неожиданное для меня как для исследователя обстоятельство. Будучи математиком, учась в математической школе и на математических факультетах Ярославского и Московского университетов, я был воспитан в рамках системного подхода к любому вопросу, который встречался на моем пути. И когда в конце 80-х годов я стал заниматься экономической статистикой (в Институте статистики и экономических исследований Госкомстата СССР, а потом России, который тогда возглавлял мой первый учитель экономики и тоже математик Эмиль Борисович Ершов), то обратил внимание на некоторые общие закономерности, которые в учебниках не очень отмечались.

Кроме того, понимание статистических механизмов (кафедра, которую я окончил в 1984 г., сейчас называется «Теории вероятностей и математической статистики», сегодня ее возглавляет А. Н. Ширяев, вице-президент Международного общества финансовой математики, он читал у нас спецкурс по случайным процессам) позволяло мне значительно более трезво смотреть на статистические основания экономической науки, чем видят ее большинство «чистых» экономистов, для которых статистические показатели – это просто некая априорная данность. А блестящие знания Э. Б. Ершова, В. А. Новичкова и других специалистов ИСЭИ позволили мне увидеть очень многие неожиданные эффекты, которые не отмечаются в учебниках и пособиях.

Дальнейшая работа в Министерстве экономики РФ и Администрации Президента РФ, а также наблюдение за многочисленными западными советниками российских реформаторов, чья идеологическая (и коммерческая, кстати) ангажированность была зачастую видна невооруженным глазом, продемонстрировали мне, что очень часто экономическая наука игнорирует реальные обстоятельства, хорошо известные практикам, но противоречащие некоторым догмам, которые могут носить как идеологический, так и внутринаучный характер.

После вынужденного ухода с государственной службы в начале лета 1998 г. я с группой своих единомышленников, многие из которых тоже имели большой практический опыт управления экономикой на государственном уровне, попытался описать свои наблюдения предыдущих 10 лет в рамках некоторого более или менее прозрачного системного подхода, в результате чего родилась совместная с Андреем Борисовичем Кобяковым книга «Закат империи доллара и конец „Рах Америгана“». Отмечу, что посвящена эта книга была всего лишь одному экономическому эффекту, а именно – проблеме структурных дисбалансов и их негативных последствий для реальной практической экономической жизни.

Книга была написана в 2002 г., дополнена последней главой в 2003-м и в том же году вышла в свет. С того дня прошло уже больше 15 лет, и сегодня становится понятно, что очень многие мысли из тех, что там заложены, нашли свое подтверждение. Тут можно упомянуть и саму идею распада Бреттон-Вудской долларовой системы, и валютные зоны и «парад девальвации», получивший в СМИ после кризиса 2008 г. название «валютных войн», и проблему накопленного долга. К слову, знаменитая ныне аббревиатура БРИКС (на момент выхода книги ее вообще не существовало) состоит из первых букв названий стран, которые мы предполагали как базовые в своих валютных зонах.

Тем не менее ни идеи, заложенные в книге (которые даже сегодня выглядят вполне актуально, хотя она и написана довольно устаревшим языком), ни высказанные позднее концепции,

описывающие предстоящий кризис 2008 г., ни дальнейшее развитие всего корпуса связанных с изложенными в книге идеями не нашли поддержки в академической науке. Причем речь не идет о том, что в книге содержались какие-то откровенно антинаучные фантазии, как уже отмечено выше, ряд описанных в ней конструкций уже нашел свое место в рамках развития кризисных экономических процессов в мире, однако серьезной и конструктивной критики, не говоря уже о конструктивном сотрудничестве, мы так и не дождались.

Более того, мировая экономическая наука не просто прозевала кризис 2008 г., который в этой книге был описан как неизбежный. Она даже сегодня, по истечении 10 лет с его начала, так и не в состоянии определить, из-за чего он произошел и как будет развиваться дальше. Если посмотреть на премии памяти Нобеля, которые считаются на сегодня самой престижной наградой в академической экономической науке, то ни одна из них с момента начала кризиса не была вручена за его исследования! Академическая наука демонстративно отказывается от публичного обсуждения самого главного (с точки зрения практически любого человека на Земле) экономического явления последних лет!

При этом я (и не только я) с негодованием отмечаю мнение о том, что кризис 2008 г. закончился и сменился экономическим ростом. Даже самые предварительные оценки ситуации с учетом реальных масштабов инфляции, многочисленных изменений методик оценки ВВП (в том числе включения в него «гудвила» и интеллектуальной собственности) роста не показывают. Об этом же говорит уровень жизни и доходов домохозяйств. Кроме того, и это, быть может, самое главное, не произошло принципиального снижения накопленного перед кризисом долга. Иными словами, произошел просто его переучет, при котором часть нового долга уравновесила в балансах фиктивный рост ВВП.

Да и вообще, с точки зрения любого управленца-хозяйственника, что это за рост, при котором долг растет существенно быстрее ВВП? Или, иначе, что это за компания такая, в которой капитализация значительно отстает от роста долга? Ясно же, что речь идет всего лишь о конвертации части долга в механизмы капитализации, а фактическая стоимость компании в такой ситуации может только падать.

В реальности это значит, что вопросы механизмов кризиса, его масштаба и последствий не просто не сняты с повестки дня, а, напротив, стали еще более актуальными, чем были в 2003 г. Да и наши новые исследования, которые дополнили результаты начала 2000-х годов, показали, что на практике кризис не был преодолен, он был только лишь приостановлен. И как только ресурсы, за счет которых этот эффект был достигнут (а они, как будет видно ниже, носят ограниченный характер), будут исчерпаны, кризис возобновится с новой силой.

При этом болезненная реакция на некоторые идеи и соображения, высказанные в нашей книге со стороны академической науки, очень четко коррелировали в рамках того самого системного подхода с теми идеологическими проблемами, с которыми я столкнулся в начале 90-х годов. И появилось естественное желание дать альтернативное описание экономических процессов, быть может, не исчерпывающее по объемам, направлениям и по времени, но позволяющее системно описать те противоречия, с которыми я столкнулся и с которыми сталкиваются любые исследователи и практические специалисты, пытающиеся управлять экономическими процессами как на уровне государств, так и на уровне корпораций. Кроме того, вторым желанием было дать логически непротиворечивое и системное изложение экономических процессов для людей, не получивших формального экономического образования. Не залезая в глубокие научные дебри, практикам не очень интересные.

В части ответа на первый вопрос у меня, в общем, были предварительные соображения, полученные в процессе взаимодействия с экономической наукой во время моей работы на государственной службе. Ученые видят мир исключительно в рамках своих, уже согласованных друг с другом методологических схем, конструкций и моделей, и если какие-то реальные процессы в эти конструкции не включаются, они их достаточно легко игнорируют. В лучшем

случае они начинают долгосрочный (на много лет) процесс подготовки новых моделей под эти реальные процессы, в худшем – объявляют их фейком, ошибкой, артефактами, не достойными рассмотрения.

Подчас нужны десятилетия для того, чтобы сдвинуть базовые научные школы в нужном направлении. И по этой причине идеи и конструкции, придуманные как раз практиками государственного управления, у которых нет не то что десятилетий, а подчас и нескольких месяцев для реакции на какие-то события, научной общественностью часто встречаются в штыки. Свою негативную роль играет и научная иерархия, войти в которую со стороны практически невозможно, недаром научные школы регулярно приводят в качестве примера тоталитарные организации.

Для ответа на второй вопрос я использовал много механизмов: писал статьи, участвовал в телевизионных и радиопрограммах, вел и веду передачи на радио, были у меня и авторские аналитические передачи на телевидении («Пятерка по экономике», которая выходила на канале «Спас», и чуть позже программа на «РБК-ТВ»), создал сайт в Интернете (на сегодня это khazin.ru). Но все они обладали серьезным недостатком: они могли затрагивать только локальные моменты, целостной концепции через них провести, в общем, было невозможно.

В рамках работы консалтинговой компании «Неокон», созданной мною с несколькими товарищами в 2002 г., нам удалось прочитать несколько курсов лекций по экономической теории, которые, как мне (и нашим слушателям, кстати) представляется даже сегодня, были очень интересными и познавательными. Но серьезной работы по обработке и изданию этих лекций нам провести не удалось; кроме того, эти курсы все-таки носили очень академический характер и были достаточно объемны. Значительной части тех людей, которые интересуются кризисными процессами, такое глубокое изложение теории просто не нужно, особого смысла оно для них не несет, они его просто не будут читать. А вопросы к сути экономических процессов все равно останутся.

И вот тогда я понял, что нужно писать книгу. Собственно, ее читатель сегодня и держит в руках. И посвящена она как раз системному изложению экономических процессов в мире. При этом в процессе углубления понимания моментов, рассматривавшихся нами в книге 2003 г., становилось понятно, что реализовать ту мечту, о которой я писал во Введении, т. е. так описать развитие экономики периода капитализма, чтобы она нанизывалась, как кольца, на единый базовый стержень, получается! Что позволило, в частности, существенно сократить многочисленные и сложные обсуждения отдельных экономических конструкций и обстоятельств, которыми переполнены практически все экономические тексты.

Кроме того, я постарался обобщить те моменты, которые, формально не являясь частью экономической теории, тем не менее играют принципиальную роль, в том числе в оценке кризисных процессов в сегодняшнем мире. В конце концов, повторю это еще раз, экономика – это общественная наука, и рассматривать ее в отрыве от общественных процессов нельзя, это неминуемо приведет к тому, что какие-то серьезные моменты будут упущены. Благодаря этому, кстати, становится возможным ответить на вопрос о том, почему экономическая наука так любит одни аспекты экономических процессов и не любит другие. Да и упомянутые выше идеологические проблемы найдут свое объяснение.

В общем, с моей точки зрения, проблема любой науки, особенно гуманитарной, состоит в том, что она по мере своего развития отрывается от той реальности, для раскрытия которой теоретически создавалась. Как уже отмечалось, мы с этим сталкивались и сталкиваемся постоянно, когда рафинированные «ученые», постоянно ругающие лично меня за отсутствие базового экономического образования и нас всех за незнание «научной» терминологии, не в состоянии ответить на банальные вопросы, на которые мы в рамках своего описания реальности дали понятные и, в общем, признаваемые всеми, кто с ним знаком, ответы. Об ответах на вопросы сложные я даже не говорю.

Здесь, кстати, нужно расшифровать термин «мы», который в дальнейшем будет встречаться в книге достаточно часто. Дело в том, что в рамках системы государственного управления есть довольно много людей, которые крайне скептически относятся к разным академическим рассуждениям (в США для авторов последних даже придумано достаточно обидное прозвище «яйцеголовые»). Просто в силу того что они имеют возможность видеть, как устроена жизнь и экономика в реальности, в частности, как эта реальность реагирует на вполне конкретные сигналы. Но эти люди не имеют возможности ни систематизировать это свое понимание, ни более или менее регулярно доносить его до широкой общественности. У них просто нет на это времени, а часто и привычки.

Но в нашей стране на границе 1990-2000-х годов произошло интересное событие – либеральная политическая команда получила возможность жестко вычистить из системы государственного управления тех людей, которые были с ней не согласны, в том числе – в базовых основах регулирования экономики. Большая их часть не были склонны к чисто научной деятельности, но часть из них такую тенденцию имели. И, как мне кажется, именно по этой причине в нашей стране в начале нового века и произошел резкий прорыв в развитии экономической теории на базе политэкономики. Теоретически, может быть, если бы в 1989 г. победила группа Примакова – Маслюкова, то прорыв произошел бы в либеральной экономике, но история сослагательного наклонения не имеет.

В результате у части **нелиберальных** экспертов (не путать с **антилиберальными!**), у которых уже были серьезные практические знания по управлению экономикой, причем в кризисной ситуации, появилось довольно много свободного времени (некоторым по независящим от них причинам вообще пришлось несколько лет быть безработными). И они начали активно эти свои знания претворять в описание тех процессов, которые происходили в мире. Одна из таких групп объединилась в рамках Ассоциации политических экспертов и консультантов (АсПЭК), неформальной группы, лидером которой был ныне уже покойный политолог и политтехнолог Михаил Малютин. Если быть более точным, то возникла эта группа еще в начале 90-х, но упор на экономическую теорию возник именно в это время. В этой группе экономикой по большей части занимались Олег Григорьев и я.

Собственно, Олег Григорьев, который как раз получил профессиональное экономическое образование и всю жизнь работал по этому профилю, начал создавать альтернативную существующим экономическим теориям конструкцию задолго до этого. Но основной прорыв произошел как раз в начале 2000-х. Мы еще довольно долго (до 2011 г.) работали вместе, в том числе в компании «Неокон», затем наши пути разошлись, но мы были далеко не единственными. Самое главное то, что в начале 2000-х годов в нашей стране появилось довольно много людей, которые попытались переосмыслить экономическую теорию с точки зрения рефлексии собственного опыта государственного управления и последствий 90-х годов, описания его в рамках единой методологии, причем без апелляции к «единственно правильной» теории. Именно этих людей без уточнения их вклада и современной активности я и понимаю под местоимением «мы» в дальнейшем тексте книги.

При этом, еще раз повторю, я вовсе не считаю, что цели и задачи этой группы носят антилиберальные цели, понимая под либерализмом не столько экономическую теорию, сколько созданную за последние десятилетия праволиберальную систему управления экономикой, начиная от совершенно неадекватных рецептов в стиле «вашингтонского консенсуса» и кончая многими более сложными и тонкими теориями, например управления кредитно-денежной политикой. К слову, адепты мейнстримовской теории как раз воспринимают нас как откровенных противников, активно пытаясь все нелиберальные исследования перевести в статус антилиберальных и, соответственно, вывести самих исследователей в статус откровенных маргиналов. В частности, это хорошо видно, например, в обсуждениях моих работ в российской Википедии, редакторы которой, находясь на идеологической платформе мейнстримовской

экономической теории, активно пытались (и пытаются до сих пор) доказать, что мои работы вообще не относятся к экономической науке.

Возвращаясь к основной теме, должен отметить, что в попытках уточнить, распространять, расширять сферу применения созданной почти за 20 лет теории (точнее, целого комплекса локальных теорий, идей и соображений, связанных общим методологическим подходом в единую системную картину) я все время сталкиваюсь с тем, что люди, которые формального экономического образования не имеют (при том что вообще они очень образованны), понимают ее очень быстро и легко. А вот те, кто получил такое образование в рамках мейнстримовской экономической теории (экономикс), отчаянно сопротивляются соответствующему пониманию. Все это навело меня на мысль о том, что такое противостояние политэкономии и экономикс неслучайно, и одна из глав этой книги будет посвящена объективному основанию этого противоречия.

Здесь следует сделать небольшое отступление. В дальнейшем я не раз буду называть доминирующую экономическую школу либеральной, и такое определение у самих представителей этой школы вызывает резкий протест. Они тут же начинают ссылаться на сложные внутренние классификации и апеллировать к полной его неадекватности. Вместе с тем оно имеет абсолютно естественное объяснение, которое, впрочем, находится вне рамок собственно экономики. Дело в том что любая гуманитарная наука тесно связана (и во многом определяется) с господствующей политической идеологией. В части экономики это подробно описывается в рамках теории глобальных проектов, которую я описываю ниже. А вот политическая идеология описывается двумя основными координатами, противоположные концы которых, соответственно, «левая» – «правая» и либеральная – консервативная.

Так вот, последние 30-40 лет проходили под явным доминированием праволиберальной идеологии. И именно она формировала современный экономический мейнстрим, с целью своей легитимации, разумеется. Но, как будет показано в этой книге, потенциал экономической модели, на которой была построена вся эта система, исчерпан; соответственно, начинает расплываться базовая идеологическая парадигма. Наиболее ярко это заметно в США, в которых наиболее живая политическая модель. Там движение началось от праволиберальной базы: с одной стороны, влево – к леволиберальной идеологии, которую поддерживал самый популярный кандидат от демократической партии (проигравший праймериз 2016 г., скорее всего, только из-за того, что аппарат демократической партии на тот момент контролировался людьми Клинтон), Берни Сандерс; а с другой стороны, от либерализма к консерватизму, поскольку Трамп является очевидным правоконсервативным политиком. Отметим, что естественным завершением этих процессов является левоконсервативное направление, о котором мы еще поговорим.

Но, как следствие, что бы там ни говорили сами представители экономического мейнстрима, эта теория вписана именно в праволиберальный идеологический дискурс. Собственно, по этой причине соответствующую экономическую школу имеет смысл называть праволиберальной, но для простоты я опускаю первую половину этого определения. Кроме того, существенную роль в ней играют (хотя и являются определяющими) леволиберальные группы в Западной Европе. Что, впрочем, соответствует традиции общественно-политического дискурса, сложившегося в последние годы в России.

Возвращаясь к основной мысли, отметим, что фактическая монополия либеральной экономической школы, сложившаяся последние четыре десятилетия, сделала для ее представителей крайне сложным, а подчас и невозможным понимание альтернативной логики, в том числе и потому, что это во многом обесценивает не только весь объем полученных знаний, но и наработанный за годы работы объем связей и статуса. Фактически чем более успешной была карьера того или иного человека в рамках либеральной академической команды, тем труднее ему отказаться от идеологически одобренных ею взглядов. Легче сделать вид, что неприят-

ного знания не существует, чем какое-то, подчас значительное время находиться в состоянии стресса и фрустрации.

Это, кстати, не только экономике свойственно, но и другим видам деятельности, включая спорт: учить с нуля всегда проще, чем переучивать. По этой причине я понимаю, что переучить специалистов достаточно сложно, они точно будут сопротивляться. И единственное, что тут можно сделать, – это предъявить им некую новую идейную конструкцию, которая будет сильно более привлекательной и позволит им перекомпоновать собственные знания на новой основе, в рамках новой структуры понимания предмета. Плюс, разумеется, продемонстрировать, что приверженность праволиберальной идеологии и стоящей за нею части элиты может уже и не давать гарантированного успеха в будущем.

Что касается практиков, для которых экономика – это их жизнь, то им вообще учебник не нужен: что необходимо, они и так знают. И если им пунктиром дать понятную логику, то они сами выстроят все необходимые аргументы и восстановят лакуны в теории. Учебники нужны для школ и вузов – так я надеюсь, что в процессе развития нашей теории и до этого дело дойдет.

В общем, настоящая книга представляет собой описание той идейно-логической конструкции, которая, с одной стороны, подвигла нас на написание альтернативной экономической концепции, а с другой – расширялась в рамках ответов на практические вопросы, возникающие в процессе развития мировых экономических (кризисных) процессов. Может быть, некоторые ответы покажутся читателю неправильными – я с удовольствием ознакомлюсь с другими вариантами и идейными построениями. Новая теория для того и существует, чтобы быть поводом для максимально широкого обсуждения и общественного развития.

Как только стало понятно, что наша теория становится существенно шире, чем узко-профильное развитие отдельных профессиональных вопросов, примерно осенью 2008 г. встал вопрос о том, что для нее необходимо придумать название. Поскольку в этот момент главные разработчики (Олег Григорьев и Михаил Хазин) работали в компании «Неокон», внутри нее был брошен ключ, и ее директор Денис Ракша придумал название «неоэкономика». Его и использовали несколько лет, до тех пор, пока в 2011 г. О. Григорьев из «Неокона» не ушел и не решил зарезервировать название исключительно за собственными исследованиями.

Мои попытки объяснить, что это стратегически неправильно, ни к чему не привели, и по этой причине я не буду использовать это название, которое использовал много лет: это официально зарегистрированный за О. Григорьевым бренд. По этой причине в книге в дальнейшем будет применяться термин «наша теория», надеюсь, что читатели сумеют найти более удачный термин, и тогда в следующих изданиях я и стану его использовать. Но в любом случае наша теория – это развитие идей политэкономии в рамках ее главной ветви, от Адама Смита и Маркса до Розы Люксембург.

И в заключение еще раз повторю смысл этой книги: это описание идейно-логического контура, который объясняет развитие экономики за последние два тысячелетия, в том числе общие моменты современного капитализма и античного Рима, возникновение капитализма и кризисы последних десятилетий. Но особое внимание уделено именно периоду капитализма, т. е. периоду с XVI в., и нынешнему кризису, который можно, пусть и с некоторой натяжкой, назвать последним кризисом капитализма.

Отметим: реализация этой программы показала, что базовые экономические идеи подвержены определенной цикличности, они то неожиданно исчезают из повседневности, то столь же неожиданно возрождаются; так, между экономическими моделями социализма и феодализма много общего, как и между моделью античного Рима и финансовым капитализмом. И есть серьезные основания считать, о чем читатель прочтет ближе к концу книги, что некоторые из старых идей дадут толчок развитию посткризисной экономики. Именно этим обстоятельством вызвано название книги, и этому обязано значительное место, которое в ней уделено историко-философским вопросам.

Глава 2

Общие вопросы

Главный вопрос, который встал перед нами еще в далекие 90-е годы, когда Михаил Хазин и Олег Григорьев еще работали (чтобы не сказать, руководили) в Экономическом управлении Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, был о том, что же положить в основу теории, описывающей современные проблемы экономики. Я, разумеется, не могу повторить все наши рассуждения того времени, многие из них вообще на бумагу не легли, но сама по себе их схема должна быть описана, поскольку иначе разобраться в теории будет достаточно сложно.

При этом само развитие теории заставляет взглянуть на прошлые соображения совершенно с другой стороны. Поэтому я не могу ручаться, что тот же Олег Григорьев или другие наши соавторы (например, Андрей Кобяков) не видят картину несколько иначе. Кроме того, мои собственные представления о правильности тех или иных методологических подходов играют свою роль. Я заранее прошу прощения у всех тех соавторов и партнеров, у которых сохранилась совершенно другая картина мира, но в рамках настоящей книги все-таки буду придерживаться собственной версии событий и логических построений.

Собственно говоря, разработка любой теории требует согласования двух, прямо скажем, противоположных требований (если не считать того, что она еще должна и фактам соответствовать, по крайней мере некоторым): она, с одной стороны, должна быть достаточно сложна, чтобы описывать довольно широкий круг явлений; с другой, иметь достаточно простую структуру для того, чтобы было понятно, откуда какие выводы берутся.

В этом смысле, кстати, современная либеральная экономическая теория нам всегда откровенно не нравилась. Прежде всего потому, что, будучи математиками (я – «чистым» по образованию, поскольку окончил механико-математический факультет МГУ, а потом много лет занимался математическим моделированием в системе АН СССР, Олег Григорьев – математиком-экономистом, много лет проработавшим в Центральном экономико-математическом институте АН СССР), мы хорошо понимали цену тем математическим моделям, которые в этой теории использовались.

В частности, если взять два экономических параметра (да и вообще любые два параметра, которые можно как-то внешним способом определить), то можно найти сотни других, влияющих на их взаимосвязь. Соответственно, любая математическая модель одни параметры использует, другие – нет. И сразу возникает вопрос: почему для конкретной модели взят вот этот, а не тот? Или, скажем, в каком интервале значений тех параметров, которые в модель не входят, она верна? И таких вопросов можно привести множество. В математике (и, отчасти, в других естественных науках) эти условия обычно оговариваются явно. Но вот экономическая теория (в том числе по идеологическим причинам, но об этом ниже) обычно их деликатно обходит...

Тут я могу привести конкретный пример из своей практики. В 1995-1997 гг. я возглавлял Департамент кредитной политики Министерства экономики РФ и по долгу службы активно занимался так называемым кризисом неплатежей. В процессе этой работы мне пришлось на практике проверить так называемую формулу Фишера о связи уровня цен и денежной массы, которая лежала в основе кредитно-денежной политики Гайдара и его нынешних последователей, направленной на снижение инфляции. Довольно быстро выяснилось, что снижение денежной массы в конкретных условиях российской экономики середины 90-х годов ведет не к снижению, а к повышению инфляции!

Более подробно эту информацию можно посмотреть в моем докладе 1996 г. (см.: <https://khazin.ru/articles/1-mirovoy-krizis/444-doklad-o-neplatezhakh>), сейчас же только отмечу, что

формула Фишера работает только в ситуации нормальной монетизации экономики. Напомню, что монетизация – это отношение расширенной денежной массы (агрегат M2 для России) к ВВП страны. Для нормальной организации денежных расчетов она должна быть в пределах 90-110 % (на крайний случай – 80-120 %), существенное отклонение от этих цифр говорит либо о недостатках денег для расчетов, либо же о наличии сильно перегретых финансовых рынков. Напомню, что в России перед дефолтом 1998 г. она составляла менее 10 %.

Если монетизация недостаточна (как уже говорилось, в середине 90-х в России она была на порядок меньше необходимого), то для того, чтобы формула была верна, необходимо учитывать полный объем денежных суррогатов, которые используются для замены денежного оборота. С учетом скорости обращения (методики ее определения современная наука не имеет) и доли оборота, который они занимают. В теории об этом не пишут, поскольку сверхнизкая монетизация экономики, сложившаяся в России 90-х, была сильной экзотикой, но факт остается фактом: чистая формула Фишера, при всей ее незамысловатости, в условиях России 90-х годов вообще не работала. Но признать этот факт гайдаровцы не могли, поскольку он во многом лежит в основе их претензий на право монопольного управления экономикой в России.

Не сработала эта формула и в США: серьезная эмиссия 2008-2014 гг. (так называемые программы «ОЕ») не вызвала в этой стране адекватной (если исходить из формулы Фишера) инфляции. Связано это, однако, было не с монетизацией, а с другим важнейшим параметром денежного обращения, кредитным мультипликатором. Грубо говоря, в денежной системе США в указанный период наличные деньги заменяли кредитные, денежная база резко выросла (с 0,8 трлн долларов на момент начала кризиса до 3,3 к моменту окончания эмиссионных программ). А кредитный мультипликатор (т. е. отношение расширенной денежной массы к денежной базе) снизился за это время с 17 примерно до 4. Структура расширенной денежной массы претерпела серьезнейшую трансформацию, а вот ее совокупный объем (от которого и зависит инфляция), выражаемый для США агрегатом M3, практически не изменился.

Отметим, что анализ структуры денежной массы в США дает и ответ на вопрос о том, почему эмиссию, которая поддерживала не только американскую, но и мировую экономику, остановили. Дело в том, что нормальное денежное обращение требует активной работы банковской системы, т. е. достаточно высокого мультипликатора. А если он падает ниже 4, то начинаются эффекты, сравнимые с российским «кризисом неплатежей» (во времена которого кредитный мультипликатор был порядка 1,2-1,4), в этом смысле, кстати, монетизацию и кредитный мультипликатор нельзя считать совсем независимыми параметрами. Так вот, пока кредитный мультипликатор был сильно больше 6 (что означает наличие финансовых пузырей на рынках), можно было безболезненно (т. е. без инфляции) заниматься денежной эмиссией (уменьшая кредитную), но после того, как мультипликатор, снижаясь, достиг критического (с точки зрения появления рисков «кризиса неплатежей») значения, этот процесс был остановлен. Это, кстати, повлекло за собой серьезные последствия, но об этом ниже в нашей книге.

В учебниках об этих тонкостях не пишут, журналисты от экономики их не знают (да и академические специалисты зачастую тоже, поскольку узкая специализация не дает возможности разбираться в тонкостях «соседних» экономических дисциплин), и те исследователи, которые никогда не сталкивались с реальными процессами управления в ситуации избытка или недостатка денежной массы, могут искренне считать (и считают), что эта формула носит универсальный характер. Тем более что она «интуитивно понятна». Отметим, кстати, что даже само использование слова «эмиссия» тут не совсем корректно, поскольку речь шла об эмиссии денежной (т. е. печати наличных денег), а масштаб кредитной эмиссии (т. е. увеличение объема кредита в экономике), напротив, сокращается, что как раз видно по снижению кредитного мультипликатора. А если еще добавить, что кредитная эмиссия американскими банками продолжалась, но для внешней по отношению к экономике США финансовой среды, то картина становится еще более сложной.

В общем, как видно даже из самого простого анализа, формула Фишера имеет слабое отношение к реальным процессам в кредитно-денежной системе, и это показывает, в частности, что любые модели, даже те, которые кажутся простыми и очевидными, на самом деле могут быть в конкретных ситуациях довольно далеки от адекватности.

И это еще самый простой случай, который явно не подходит под категорию «черного лебедя» по Талебу. Она вполне может проявиться в случае принципиального изменения ситуации, в том числе могут проявиться какие-то новые параметры, которых до того вообще никто не учитывал, которые даже предусмотреть никто не мог!

Федеральный долг (<https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEBTN>)
 Долг населения (<https://fred.stlouisfed.org/series/CMDEBT>)
 Денежная база (<https://fred.stlouisfed.org/series/BOGMBASE>)
 M3 (<https://fred.stlouisfed.org/series/MABMM301USA189S>)

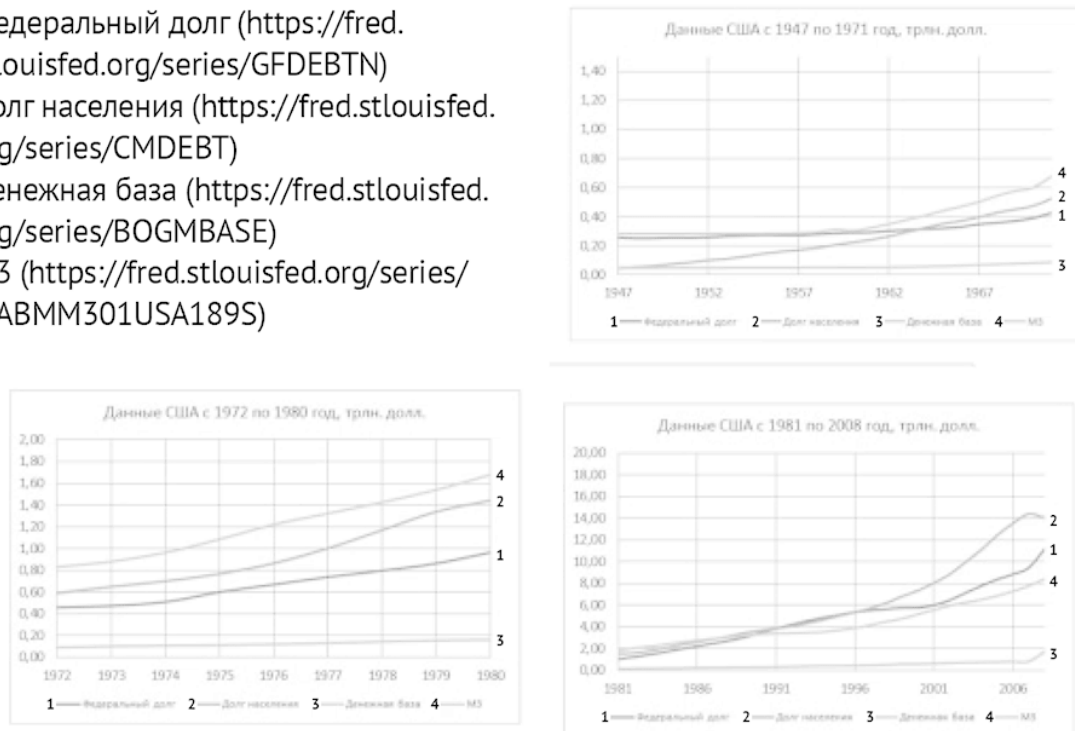

Рис. 1. Базовые финансовые показатели США (1947-2008 гг.)

Еще один очень важный пример. Рассмотрим базовые финансовые показатели экономики США за разные периоды времени (рис. 1).

Если посмотреть на эти графики, то видно, что модели финансового управления в указанные периоды сильно отличались друг от друга (разные показатели занимали доминирующую роль). И если до начала кризиса 70-х годов (крайне важного периода с точки зрения развития капиталистической экономики, что мы еще ниже увидим) можно говорить о некотором пропорциональном развитии финансовых показателей (с общим ростом монетизации), то уже с 1981 г. начинается явный ускоренный рост долговых процессов, который, собственно, в части частного долга заканчивается как раз к началу кризиса 2008 г. Но в теории эти моменты в общем не отражены.

Во всяком случае, попытки разобраться, почему рекомендуемая нам (России) финансовая политика так отличается от той, которую реализовывали «развитые» страны, к успеху меня не привели. Соответственно, пришлось разбираться самому, что в конце концов стало одной из причин, которые привели к появлению настоящей книги.

Вообще, таких примеров можно привести массу, и все они ставят под серьезные сомнения классические либеральные модели. Да и попытки их реализовать на практике (вспомним, например, банкротство фонда Long-Term Capital Management в 1998 г.) тоже часто не дают желанного результата. В конце концов, есть и самая серьезная причина, уже отмеченная выше,

с подозрением относиться к мейнстримовским экономическим теориям: они так и не дали в рамках своего подхода теории современного кризиса.

Более того, носители и адепты этой теории все время пытаются подогнать нынешний кризис под старые лекала, хотя есть целая куча фактов, которые в них ну никак не ложатся. Даже на такой простой вопрос, как причина того, почему нынешний кризис продолжается так долго, ответа до сих пор дано не было. Можно было закрыть на это глаза, в частности сослаться на официальную экономическую статистику, степень оптимистичности которой превышает все нормы приличия и при этом все время растет. Но я предполагаю, что читатель этой книги более адекватен ситуации, чем чиновник, отстаивающий «единственно правильную» цифру экономического роста, и напоминаю, что в нашей теории ответ на этот вопрос есть!

Причина такой печальной ситуации не только в абсолютизации математических моделей (они, как я уже отмечал, часто работают в крайне узких диапазонах параметров, в том числе и тех, которые в них самих вообще никак явно не упомянуты), но и в том, что экономика – это общественная наука. То есть она не только описывает многие общественные процессы (хотя и не со всех сторон), но еще и своими выводами затрагивает всю модель общественных и политических отношений. И любая государственная система, как политическая, так и управляющая, как только сталкивается с действительно серьезным кризисом, начинает активно менять правила игры, что делает сравнительный анализ делом крайне сложным.

Кроме того, политический мир крайне идеологизирован и чрезвычайно болезненно реагирует на любые внешние попытки объяснить мотивы и причины своих действий, несоответствующие пропагандистским догмам. Даже простые и ясные решения не могут быть реализованы, если они затрагивают интересы влиятельных элитных групп, что часто приводит к ситуации, когда кризис вполне умышленно заводят в крайне опасные стадии. Очень хорошо это было видно в процессе предвыборной кампании в США 2016 г. и начала президентского срока Дональда Трампа. При этом государственная машина внимательно следит за тем, чтобы альтернативные мейнстриму теории и взгляды не приобрели слишком большой популярности.

Здесь имеет смысл привести один пример, который к тому же очень хорош тем, что носит абсолютно деполитизированный характер. В книге «Закат империи доллара и конец „Рах Америка“» мы писали о том, что по мере развития кризиса центральные банки различных стран будут проводить активную политику эмиссии и девальвации своих валют в связи с необходимостью поддержания национальных (или, более широко, подконтрольных) экономик. У нас эта политика получила название «парад девальваций». Тогда она смотрелась достаточно экзотически и многими даже доброжелательными критиками была поставлена под сомнения (со ссылкой на то, что «всем очевидно», что это контрпродуктивно). Однако после сентября 2008 г. эта политика стала на какое-то время главной проблемой международных финансовых организаций G8 и G20, борьбе с ней были посвящены главные политические и экономические форумы. Правда, название она получила другое, «валютные войны», но суть от этого не меняется.

Причины этого явления носят абсолютно объективный, но не столько экономический, сколько именно общественный характер, отчего и борьба с ним, в общем, особым успехом не увенчалась. Хотя никто не сомневается в том, что для устойчивости всей долларовой (Бреттон-Вудской) системы такое явление вовсе не件зно. Важно то, что этот пример очень хорошо показывает, что, описывая экономические процессы, совершенно невозможно оставаться исключительно в рамках чисто экономических, «объективных» процессов.

Чуть ниже в настоящей книге я покажу, что вся современная экономическая теория (что мейнстримовская, неоклассическая, что марксистская политэкономия) находится в крайне жестких идеологических тисках, что она жестко табуирована и именно по этой причине выйти за некоторые рамки просто не может. И именно эта ситуация не дает возможности написать в рамках либерального экономического дискурса теории современного кризиса. Что касается

политэкономии, то она после крушения СССР избавилась от политических запретов, но зато практически потеряла государственную поддержку – со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Может быть, именно по этой причине наша теория выросла из политэкономии, как это и отмечалось во Введении, но происходило это достаточно медленно, и этот процесс, в общем, достаточно долго протекал в не публичной сфере.

Вообще я постараюсь не увлекаться экскурсами в историю экономической мысли. Большая часть читателей этой книги, как я подозреваю, «первоисточники» не читала (да и я не получил систематического экономического образования), а для понимания тех идей, которые в ней отражены, это и необязательно.

Будут подробно описаны только отдельные аспекты, которые мне представляются принципиальными и без которых невозможно разобраться в общей линии наших рассуждений. Но и тут есть одна тонкость – даже в самом начале нам было понятно то, о чем я уже писал выше: что социально-политическая составляющая теории современной экономики не менее важна, чем чисто экономическая. А это как раз особенность политэкономии.

Нужно отметить, что в любом случае опыт государственного управления, полученный мной в середине острокризисных 90-х годов, когда нужно было в ограниченный срок решать конкретные, часто очень болезненные вопросы, показал, что типовые модели в таких случаях не работают. Более того, на один и тот же вопрос, например о причинах роста инфляции или увеличения доли нелегального налично-денежного оборота, в разное время находились разные ответы. То есть каждый раз приходилось искать конкретный параметр, отвечающий за исследуемый эффект. И многочисленные совещания, посвященные поискам конкретных причин конкретных проблем, показали мне, что универсальные модели работают в реальной жизни очень плохо.

Можно отметить и еще одно обстоятельство. Когда я пришел в Министерство экономики в 1994 г., там еще работало очень много специалистов с опытом Госплана СССР. И на многочисленных совещаниях, на которых обсуждались различные проблемы экономики (их тогда было не просто много, а колоссально много), все время оказывалось, что точные причины тех или иных явлений называют не абстрактные теоретики, а как раз старые практические специалисты. И каждый раз, когда я оказываюсь в среде этих самых теоретиков, я вспоминаю эти совещания – и вижу, насколько их абстрактные рассуждения далеки от реальности.

Причины тут понятны: опытные профессионалы оперируют значительно большим объемом параметров, чем можно включить в обозримые модели, и способны, исходя из своего личного опыта, критически оценивать, какие из них играют принципиальную роль в конкретных обстоятельствах. Но насколько велика разница, нужно все-таки посмотреть своими глазами.

В общем, я думаю, что без особой вероятности ошибки можно сказать, что абстрактные теоретики не выигрывали в споре никогда.

Именно по этой причине я практически отказался от применения математических моделей в этой книге, именно по этой причине мы практически не используем их в своей теории, которая была создана для описания современного кризиса. Если речь идет не об изучении очень конкретных приложений в очень узкой ситуации, они, в общем, не работают. Но ведь сам-то процесс развития идет! И по этой причине мы попытались найти тот самый главный фактор, который определяет экономическое развитие последних столетий.

Если отвлечься от всех ложных путей, неправильных догадок и (как стало понятно значительно позже) не совсем адекватных рассуждений, можно попытаться восстановить базовую линию наших размышлений. Ну, точнее, как я уже писал выше, моей интерпретации этой линии, появившейся в процессе общих обсуждений сложившихся проблем. Началась она, естественно, с конкретных вопросов, которые выглядели на первом этапе достаточно оторванно от базовой экономической теории.

Например, с таких: почему в античном Риме канализация была, а в Париже ее снова начали проводить только в 60-е годы XIX в.? Почему в античном Риме были мануфактуры, а во времена Средневековья, раннего во всяком случае, их не было? В какой момент банки, деятельность которых христианской церковью сильно не приветствовалась, теоретически во всяком случае, стали не просто легальными институтами, но и получили уникальные для других сфер деятельности права (частичное резервирование)? Почему капитализм начался именно в XVI в.?

Глава 3

Экономические загадки Древнего Рима

Разумеется, точного ответа на эти вопросы нам получить не удалось, по поводу каждого из них написаны книги, из которых можно составить библиотеки. Но некоторое направление мысли они нам дали. И состояло это направление в том, что мы поняли, что в античном Риме теоретически мануфактур не должно было быть! По очень простой причине – там не могло быть спроса, в современном его понимании!

То есть сами мануфактуры, производительность труда на которых была выше, чем у рядовых граждан (напомним, рабовладельческий строй, натуральное хозяйство!), быть могли. Но вот куда они могли девать свою продукцию? Кто ее должен был покупать? Мне на это возразят, что Рим был миллионным городом (кстати, в Европе через 1000 лет город в 20 000 человек населением считался очень крупным), в котором были крупнейшие рынки, и я соглашусь, но откуда у римских жителей были деньги? Что они такое делали, что производители пшеницы из Северной Африки и украшений из Греции и с Востока, пряностей и шелка из Китая соглашались обменивать свою продукцию на это что-то? И вообще, производить что-то в таких колоссальных объемах, намного превышающих их собственные потребности?

Еще раз повторю, речь идет о рабовладельческом строе, при котором большая часть населения жила в рамках натурального хозяйства!

Собственно, тут нужно привести некоторое количество цифр и фактов. Просто, чтобы оценить масштаб стихийного бедствия.

Но начнем мы с цитаты одного очень известного автора.

«Что делал нормальный, классический грек римской эпохи? Или римлянин, или сириец? Как он проводил свой день? Утром он вставал с головной болью от вчерашней попойки. Причем это и люди богатые, и люди среднего состояния, и даже бедные, потому что они норовили где-нибудь приспособиться к богатым в виде подхалимов таких – они назывались клиенты (специальное название было) – и попользоваться от них. Ну, он, значит,пил легкое вино, разведенное водой, закусывал чем-нибудь и, пользуясь утренней прохладой, шел на базар, чтобы узнать новости. (Агора – рынок, а я говорю по-русски – „базар“.) Ну, там, конечно, он узнавал все нужные ему сплетни, пока не становилось жарко. Потом он шел к себе домой, устраивался где-нибудь в теничке, ел,пил и ложился спать-отдыхать до вечера. Вечером он вставал снова, купался в своем атриуме (это были какие-нибудь, я не знаю, бани поблизости) – он ходил туда, тоже новости узнавал. Взбодренный, он шел развлекаться. А в какой-нибудь Антиохии, в Александрии, в Тарсе, в Селевкии, уж не говоря о Риме, – было где поразвлечься. Там были специальные сады, где танцевали танец осы. Это древний стриптиз, и все это было очень интересно, и выпить было можно. И после этого танца тоже было можно най ти себе полное удовольствие за весьма недорогую плату. Потом его доставляли, уже совершенно расслабленного и пьяного, домой, где он отсыпался. А на следующий день что делать? – То же самое. И так, пока не надоест»
[Л. Гумилев].

Не правда ли, это описание больше напоминает коммунизм (от каждого по способностям – вот, пить умею! – каждому по потребностям), нежели нищету Древнего мира? Но не

преувеличил ли Гумилев благосостояние граждан Римской империи? Что говорят об их доходах экономические историки (рис. 2)?

По меркам 2017 г. примерно 1100 долларов по покупательной способности 1990 года, не очень много (уровень современных Монголии и Северной Кореи). Но если взять относительно близкий 1820 г. (когда уже изобретены паровые машины и вовсю развивается Промышленная революция), то обнаружится, что в тогдашней Франции этот доход был 1135, в Италии – 1117, в Германии – 1077 [Maddison]. В Римской империи (не в столице, а во всей многомиллионной империи) люди жили на уровне, или даже богаче, чем в самых богатых странах Европы начала XIX в.!

Автор	В соответствии с HS	Пшеница, кг	\$	Индекс (line 2, col. 4=100)
Темин	166	615	923	119
Банг	230	518	777	100
Хопкинс	250	563	845	109
Шейдель-Фрайзен	260	620	930	120
Гольдмитс	380	856	1284	165

Рис. 2. Подушевой доход по паритету покупательной способности в долларах 1990 г. в ранней Римской империи («Ancient and Pre-Modern Economies»)

На этом месте любой человек, получивший стандартное экономическое образование, начинает бурно возражать: не может быть! Мы ведь знаем как «Отче наш», что экономика всегда растет, и если в 1820 г. подушевой доход был 1000 долларов, то за 2000 лет до этого он должен быть значительно меньше! С тем большим удивлением он узнает, что экономика умеет не только расти, но и рушиться в пыль (рис. 3).

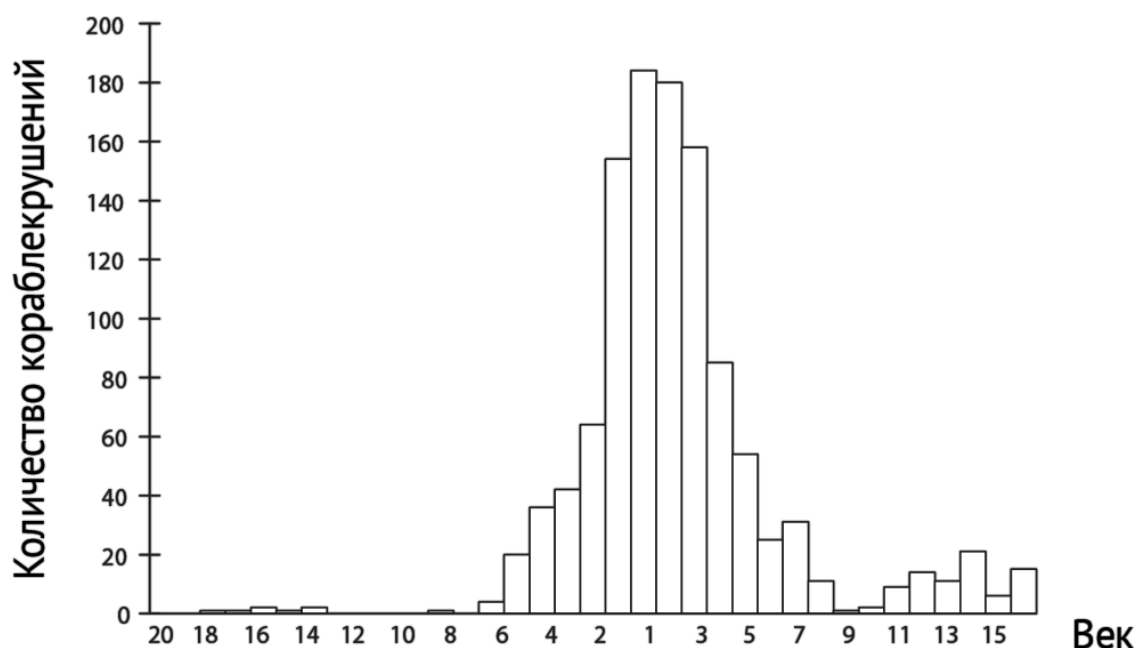

Рис. 3. Относительное количество кораблей, затонувших в Средиземном море, по векам (The cambridge economic history of the greco-roman world)

Вот график обнаруженных в Средиземном море затонувших судов по векам их гибели. Разница между I в. (Римская империя) и XV (позднее Средневековье) – в 10 раз, ине в пользу Средневековья. Римская империя производила **на порядок** больше морских судов, чем Европа 15 веков спустя! Тут, правда, можно сослаться на то, что суда становились все лучше и лучше. Но аргументацию можно продолжить (рис. 4).

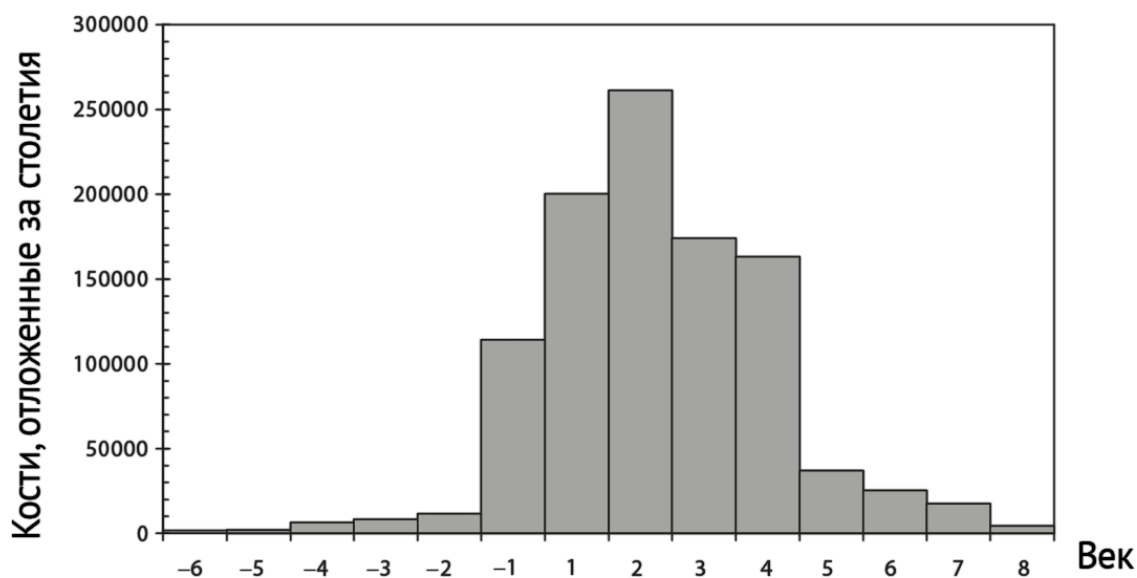

Рис. 4. Количество обнаруженных костей домашнего скота по векам (The cambridge economic history of the greco-roman world)

А как обстояло дело с животноводством? Да точно так же – вот график обнаруженных костей домашнего скота по векам их датировки. Снова кратное, в разы (!) уменьшение поголовья начиная с V в. нашей эры. Уж казалось бы, трава растет независимо от экономических передряг – однако в Римской империи удавалось содержать огромные стада, а с ее развалом они стали никому не нужны.

Но лучше всего уникальность римской цивилизации отражает график (рис. 5).

Вверху оценка мирового производства свинца, внизу – концентрация свинца в наслоениях гренландского ледника, послужившая основой для этой оценки. Римская империя оставила значимый след в леднике (!), а уровень производства свинца, достигнутый в I в. нашей эры, упал в **10 раз** уже через пару веков и восстановился до римского уровня только с началом промышленной революции в XIX в.! В современной геологической науке есть разные взгляды на причины такого роста количества свинца в ледниках Гренландии в период античной Римской империи. Но поскольку есть и другие данные по масштабу выплавки металлов (просто они не такие наглядные) в этот период и с учетом всех остальных данных, для нас вопрос о высоком индустриальном уровне Римской империи и последующем тысячелетнем спаде представляется очевидным.

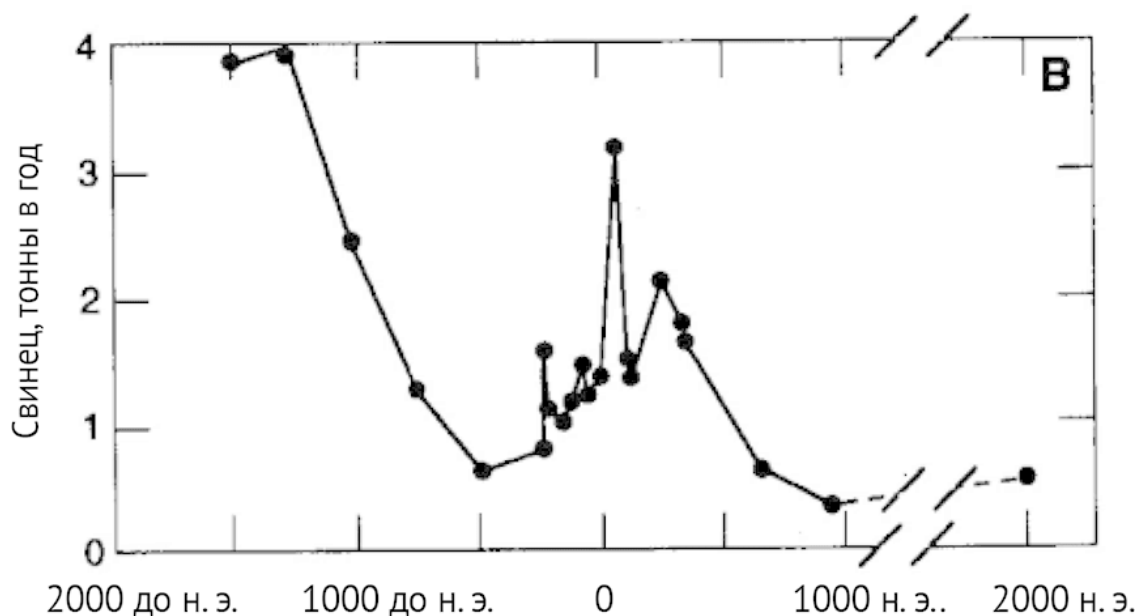

Рис. 5. Оценка мирового производства свинца

Так что невероятное на первый взгляд равенство подушевого дохода в 20 и 1820 гг. н. э. подтверждается различными независимыми измерениями. Римская империя **действительно** достигла выдающегося уровня сельскохозяйственного и промышленного производства – и этот уровень **действительно** упал в разы вместе с ее гибелью.

Следовательно, по-настоящему правильной экономической теорией будет не та, которая рассуждает о «гарантированном экономическом росте», а та, которая объяснит этот величайший экономический факт в истории человечества. Почему Римская империя за два тысячелетия до промышленной революции достигла тех же уровней производства – а потом (в отличие от Европы XVIII в.) рассыпалась в прах, не оставив после себя никаких следов развитой **промышленной** (см. добычу свинца) экономики?!

И вот тут история ответа не дает. Ничего «такого» граждане Рима и других крупных городов империи не производили. И даже продукция мануфактур тут особой роли не играла, поскольку ее владельцами были незначительные и довольно богатые граждане. Они, конечно, свои ткани на хлеб обменять могли, но откуда тогда хлеб у рядовых граждан Рима? И почему, например, мануфактуры не возникли в других обществах того же периода, например, в Парфянской империи или Китайской. Что такого сделал Рим уникального, что принципиально изменило его экономику, обеспечило построение уникальной по длительности и устойчивости империи? И кстати, почему ее западная часть (восточная во многом жила по общим для того времени экономическим законам и пережила свою соседку на 1000 лет) рухнула?

Так как же у Рима получилось сначала создать экономику XIX в., а потом ее полностью потерять? Если в поисках ответа на этот вопрос мы обратимся к современным учебникам, то обнаружим там примерно следующее: «...если проследить рост ВВП на душу населения на протяжении всей истории человечества, то можно сделать вывод, что он является феноменом недавнего времени...» [Бланшар, Макроэкономика].

Феномен Римской империи такие учебники попросту не рассматривают, а современный экономический рост объясняют из простейшей математической модели: «Отправной точкой любой теории экономического роста должна быть совокупная производственная функция, устанавливающая соотношение между совокупным выпуском и факторами производства – $Y=F(K,N)$ » [Бланшар, Макроэкономика].

Факторами производства в современной экономике принято считать «капитал» (дороги, здания, станки и инструменты, а также человеческий капитал – библиотеки, университеты в общем, все, что не является трудом) и «труд» – количество работников в экономике. Начав мыслить в рамках этой модели, можно сразу же предложить сколько угодно объяснений «экономическому росту».

Например, можно предположить, что прирост «капитала» обеспечивает пропорциональный прирост «выпуска» (поставил два станка вместо одного – стал делать вдвое больше деталей). Тогда экономический рост будет пропорционален «инвестициям» – части ВВП, направленной на увеличение совокупного «капитала». При всей своей простоте и очевидной неправильности (сделать вдвое больше деталей всегда можно, а вот продать их – далеко не всегда; проблема заключается не в том, чтобы что-то произвести, а в том, чтобы продукция оказалась востребованной экономикой в целом) эта теория (Харрода – Домара) уже полвека используется в практике международных организаций. Об этом написана прекрасная книга – Истерли, «В поисках роста»; никакие инвестиции на протяжении десятилетий не смогли запустить экономический рост в многочисленных странах третьего мира, но зато обогатили целое полчище международных чиновников.

Можно добавить к числу факторов производства «технологии» (поставил более современный станок вместо старого – стал делать вдвое больше деталей), и мы получим теорию роста Солоу (именно ее обычно и излагают в современных учебниках). Можно добавить еще и «человеческий капитал» (образованность или квалификация работников, поскольку сложный станок требует соответствующего оператора) и получить самую современную теорию – Лукаса – Ромера. Однако практика стимулирования экономического роста, описанная Истерли, показывает, что все эти теории работают только на объяснение уже имеющегося роста, но бесполезны при попытке запустить новый (в развивающихся странах).

Понятно, почему рост и падение Рима обходятся молчанием в современных учебниках. Следуя производственной модели, пришлось бы признать, что римляне сначала двести лет, словно сговорившись, тратили все свои ресурсы на наращивание капитала, создание новых технологий и строительство университетов (чего, вообще-то, не было), а потом столь же дружно начали разрушать капитал, забывая технологии и сжигать книги. Теория, неспособная самостоятельно объяснить самые главные события в своем собственном предмете, не заслуживает особого доверия; так что теории роста предпочитают обходить стороной казус Римской империи.

Чтобы получить ответ на наш вопрос (что случилось с экономикой Римской империи), нужно воспользоваться **другой** теорией роста, продолжающей традиции Адама Смита и Карла Маркса, одним из принципиальных следствий которой является **конечность капитализма** (вместе с экономическим ростом). В современном экономическом мейнстриме она отсутствует по вполне понятной причине, которую я опишу позже, в главе, посвященной отличиям политической экономии Смита – Маркса от экономикс.

И здесь я еще раз немножко забегаю вперед, что позволительно в начале книги, приведя цитату из одного из первых меркантилистов, Антонио Серра: *«Если вы хотите понять, какой из двух городов богаче, посмотрите на количество профессий, которыми владеют его жители: чем больше профессий, тем богаче город»*. Или в переводе на современный экономический язык: чем глубже уровень разделения труда в экономической системе, тем больше добавленная стоимость, которая в ней образуется.

Собственно, разделение труда играет ничуть не меньшую роль, чем у нас, у Адама Смита, и, кстати, где у Серра капитал? Идея разделения труда основывается на фундаментальном экономическом факте – «экономии на масштабе». Если человеку приходится самостоятельно (в условиях натурального хозяйства) обеспечивать себя всем необходимым, он производит (условно) одну домотканую рубашку в год, то рубашка эта обходится в десятки рабочих часов.

Если же он займется **только** производством рубашек – выпуск увеличится в сотни раз, и найдется сотня идей, как усовершенствовать каждую отдельную операцию. Одна рубашка из сотни – намного дешевле, чем единственная рубашка. Но чтобы производить сотни рубашек, необходимо, чтобы кто-то еще производил для нашего работника все остальные потребительские блага. Необходимо **разделение труда**.

Теперь становится понятно, куда подевался капитал. Пока наш работник не получит **общеекономической** возможности обменять свои 100 рубашек на еду, обувь, домашний скарб и все такое прочее, самый передовой «рубашкоделательный» станок будет для него не капиталом, а никчемной железкой. **Материальные ресурсы делает капиталом только конкретная система разделения труда** (попадите в Древний Рим с чемоданом долларов и попробуйте пожить там на этот капитал). Ключевой вопрос здесь – спрос, причем как с точки зрения производителя (кто купит сделанные мною рубашки?), так и с точки зрения потребителя (где я достану то, что нужно мне для жизни, и что я не произвел, занимаясь рубашками).

Как же обстояло дело с разделением труда в Римской империи? Как ни странно, экономические историки подсчитали и это (сложность экономики – это и есть количество профессий, т. е. разделение труда) (рис. 6).

Получается, что разделение труда тесно связано в кризисом Римской империи! И в нашей теории источником феноменального роста является как раз увеличение уровня разделения труда, т. е. усложнение экономики. Но откуда берется само это усложнение? Римляне сговорились и устроили себе разделение труда? А потом, надо думать, передумали? Разумеется, нет! Для разделения труда необходимы определенные экономические предпосылки, и самая главная из них – объем экономики, исчисляемый в количестве людей (рис. 7).

Если размер экономики – одна деревня (вполне типичный случай в странах третьего мира), то никаких фабрик в ней существовать не может, максимум – кузнец и плотник, да и то если деревня большая. А вот если размер экономики – целая страна, с десятками миллионов «фермеров», т. е. конечных потребителей, и есть возможность (римские дороги и римские корабли, которых было в десять раз больше, чем европейских, а также отсутствие таможенных барьеров) **доставить** фабричные товары в любое место, и у фермеров есть возможность за них **заплатить** – то фабрики не просто могут, а обязаны появиться. Они становятся экономически **выгодными**.

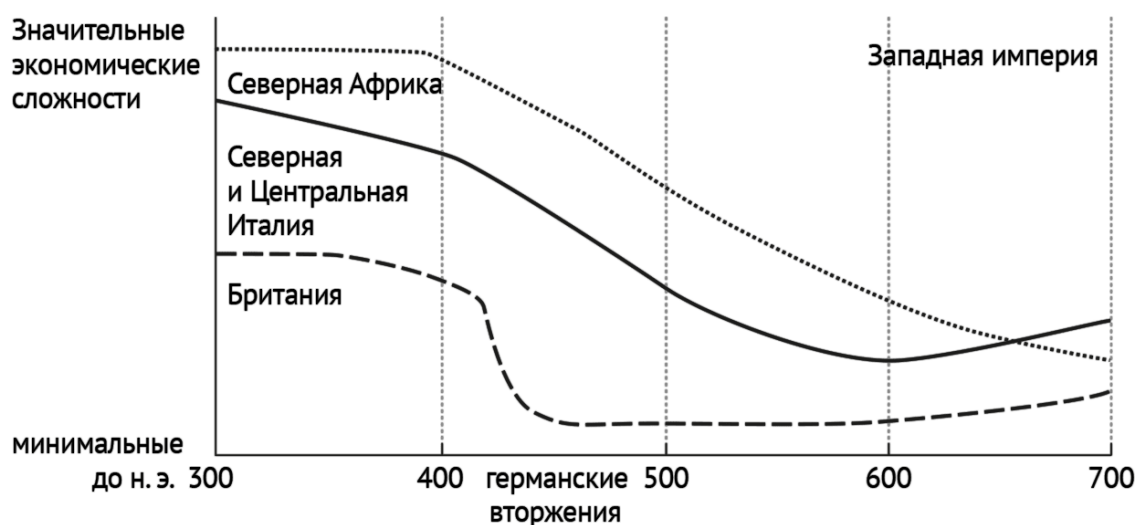

Рис. 6. «Сложность» экономики региона Средиземного моря с 300 по 700 г. н. э. (Bryan Ward-Perkins, «The Fall of Rome»)

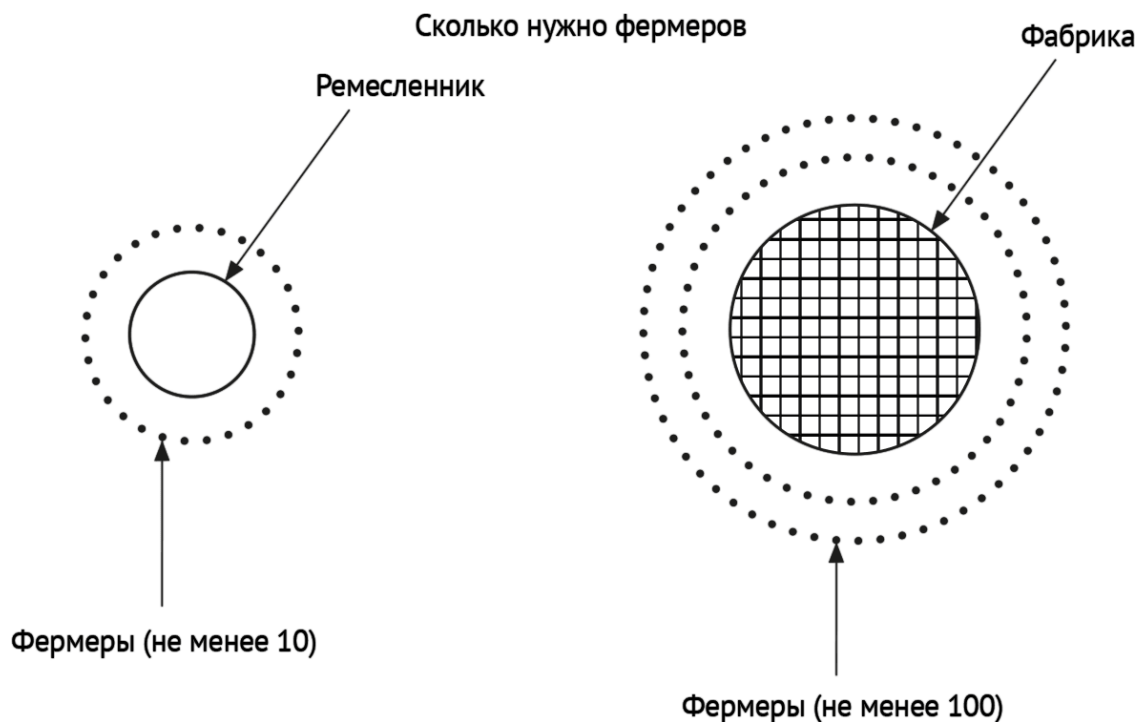

Рис. 7. Зависимость глубины разделения труда от объема экономики (из книги Олега Григорьева «Эпоха роста»)

Проверим наши рассуждения (пока – только рассуждения) фактами. Что произошло с территорией (а значит, и населением) Римской империи в эпоху ее бурного роста (II–I вв. до н. э.) (рис. 8, 9, 10)?

Территория увеличилась в десятки раз, и это по большей части территория с отличной доступностью – побережье Средиземного моря. Границ и таможен не существует, все выделенное на карте – одно государство с единым рынком.

А как много людей жило в те годы в империи? Чаще всего в исследованиях упоминается значение в 60 млн человек. Много это или мало? Вот численность населения европейских стран 1820 г.: Франция – 30 млн, Италия – 20, Англия – 20. Вместе – больше, но это **разные** страны, с весьма жесткими (вплоть до общеевропейских войн) ограничениями на взаимную торговлю. Так стоит ли удивляться, что, несмотря на две тысячи лет технического прогресса, подушевой ВВП в этих странах едва дотягивал до римского? Так и должно быть – не тот масштаб экономики!

Рис. 8. Рим в 212 г. до н. э.

Рис. 9. Рим через век, в 86 г. до н. э.

Рис. 10. Рим еще через век, в 8 г. н. э.

Нам осталось выяснить, как обстояло дело с последним из факторов роста – возможностью рядовых потребителей **заплатить** за производимые где-то далеко товары. Сложную экономику без денег не построишь (в обмен на рубашку нашему портному требуется список из сотни товаров, бартер тут не поможет); значит, в Римской империи должно было присутствовать развитое денежное обращение?

Совершенно верно: одновременно с приростом территории (II–I вв. до н. э.) в Риме происходил аналогичный рост денежной массы (условно, агрегат M0, поскольку все денарии были наличными, а банковской системы в современном понимании не существовало) – в 10 раз (!) (рис. 11).

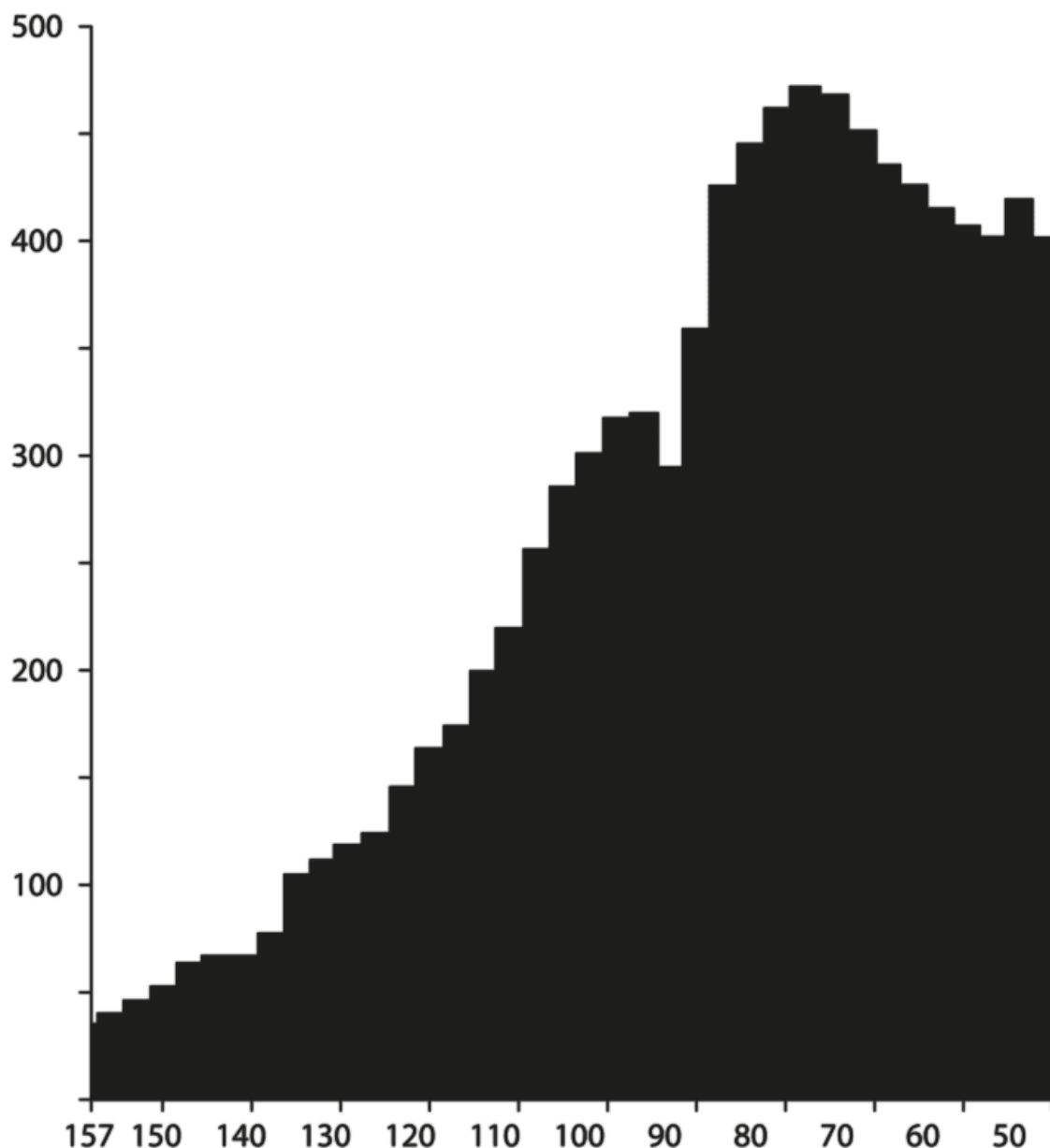

Рис. 11. Объем серебра в обращении в Римской империи (Philip Kay, «Rome Economic Revolution»)

450 млн денариев при ВВП в 5 млрд (20 млрд сестерциев, Goldsmith, 1984; сестерций – 1/4 денария) – наличная монетизация практически как в современной России! И это с учетом того, что в деревне сохранялось натуральное хозяйство, т. е. многие отношения были не монетизированы. Как видите, римлянам было чем платить за производимые на мануфактурах товары.

Итак, для возникновения римского экономического чуда понадобилось сочетание трех факторов: быстрого роста территорий и населения, высокой экономической связности этих территорий и столь же быстрого роста денежной массы.

А откуда взялась информация про денежную массу? Вспоминая историю Древнего мира, которую, напомню, в советской школе проходили в 5-м классе, вспоминая старые книжки на эту тему, которые читал, я вспомнил Вторую Пуническую войну между Римом и Карфагеном (во II в. до н. э., т. е. тогда, когда мануфактур в Риме еще не существовало). Главными ее событиями были не только победы Ганнибала собственно в Италии, но и острая борьба на

периферии тогдашнего обитаемого мира – в Испании, точнее, на Пиренейском полуострове, поскольку собственно Испания возникла сильно позже.

Казалось бы, кому интересна Испания, когда речь идет чуть ли не о том, что карфагенский полководец Ганнибал может захватить Рим? Однако на Пиренейском полуострове тоже были интересные вещи, а именно – там были крупнейшие на тот момент в Западной Европе серебряные рудники. А войны без денег, как известно, не бывает, и известно это с глубокой древности.

А вот дальше началось самое интересное, с нашей точки зрения. О том, что было с этими рудниками после войны, в популярных книжках не написано. Понятно только, что они не были частными, принадлежали Римскому государству. Но что оно с этим серебром делало?

Вспоминая и обобщая то, что знал о Древнем Риме, я понял, что Римское государство теми или иными способами давало деньги, которые оно печатало из этого серебра (и военной добычи, но этот ресурс был значительно менее регулярным), своим гражданам. Или, выражаясь современным языком, стимулировало частный спрос! И именно за счет этого спроса, который никак не был (и не мог быть в условиях рабовладельческого общества и доминирующего натурального хозяйства) результатом обычной хозяйственной деятельности, и появились такие сложные для того времени производственные структуры, как мануфактуры.

Действительно, представим себе захват той же территории, но без иберийского серебра. Римская империя покорила бы сотни народов – но им нечем было бы платить (вы ведь помните, что бартер в сложной экономике не работает) за продукцию римских мануфактур. И что дальше? Позвольте, но не дальше, а буквально в двух шагах от Рима уже существовала такая империя (рис. 12).

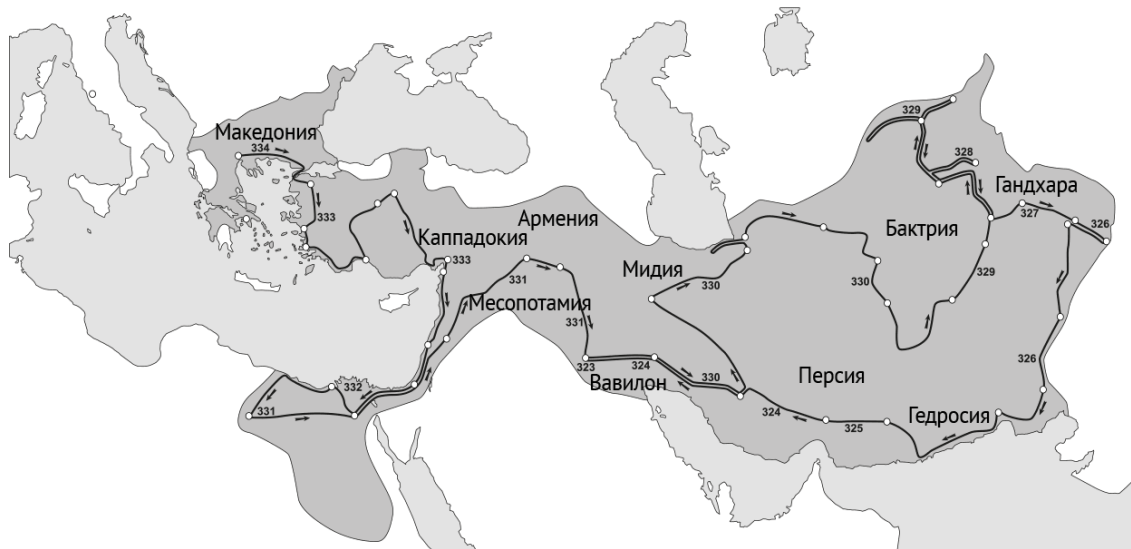

Рис. 12. Империя Александра Великого и ее распад

В отличие от Римской, империя Александра Македонского распалась сразу же после его смерти. Для запуска экономического роста ей не хватило ни экономической связности (лишь треть империи расположена на удобных побережьях), ни иберийского серебра.

Итак, именно иберийское серебро и стало тем ключевым фактором, который позволил запустить спираль экономического роста Римской империи. Но хорошая теория должна объяснять не только экономический рост, но и экономический крах! Почему же Рим, достигнув невероятного экономического могущества (еще раз повторим: за 2000 лет до XIX в.!), полностью растерял его за какие-то пару веков?

Модель «богатство = сложность» позволяет ответить и на этот вопрос. Чтобы развитая экономика откатилась на прежний уровень производительности труда, достаточно сократиться любому из необходимых условий поддержания ее сложности – численности населения (территории), транспортной связности или монетизации экономики. В случае Рима решающим вновь стал последний фактор: в римской экономике **закончились деньги** (рис. 13).

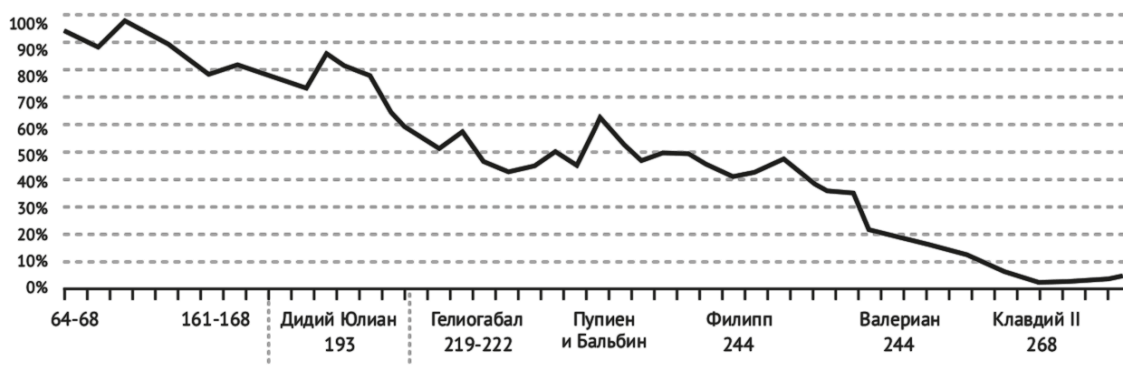

Рис. 13. Содержание серебра в денарии поздней Римской империи

Иберийские шахты истощились, а новых месторождений серебра на всей громадной территории империи отыскать не удалось. Между тем выпуск новых монет (эмиссионный доход) составлял существенную часть бюджета империи – именно за счет него, а не за счет собираемых налогов финансировалось содержание римских легионов и спрос римских граждан. В свою очередь, римские легионы поддерживали целостность империи, обеспечивая единое торговое пространство. График показывает, как отреагировали римские императоры на сокращение добычи серебра: они стали **портить монету**.

Казалось бы, у императоров был и другой вариант: просто увеличить налоги. Однако просто это только на словах; на деле этот шаг привел бы к еще большим проблемам. Во-первых, увеличение налогов увеличило бы и недовольство провинций, а значит, привело бы к необходимости больше платить легионерам, и не факт, что императоры остались бы в плюсе. Во-вторых, сокращение выпуска **новых** монет означало бы утрату контроля за денежным обращением: основные деньги оказались бы в руках населения, а не государства. А что делает население с деньгами в случае кризисов, хорошо известно: оно их **прячет**. Так что выбранный императорами путь сокращения реальной денежной массы (в граммах серебра) при росте номинальной (в денариях) был еще относительно мягким, сохранение «серебряного стандарта» могло привести и к куда более резкому кризису (как в случае Великой депрессии в США).

Тем не менее за двести лет «порчи монеты» реальная ценность римских денег упала практически до нуля, общая монетизация экономики сократилась, и поддерживать прежний уровень разделения труда оказалось невозможно. Провинции обособились, сначала экономически, а затем и политически, разделив империю на несколько частей, еще тысячу лет объединявшихся и распадавшихся на новые империи, которые так и не смогли повторить успех Рима. Не смогли, потому что для экономического чуда у них не было одного из необходимых условий – **капитала**, который тогда существовал только в форме наличных металлических **денег**.

Избыточный спрос вызвал углубление разделения труда и свойственные этому процессу технические инновации, в результате Рим намного превосходил своих конкурентов по экономической и военной мощи. Да и уровень жизни там был настолько выше, что позволял создать очень мощный демографический «кулак», что в то время, когда мощь армий по большей части определялась численностью, было крайне важно. Хотя и технологически Рим превосходил своих соперников очень серьезно. Но как только серебро в Пиренейских месторождениях было

исчерпано, стало понятно, что экономическая система больше не в состоянии себя поддерживать, наступила быстрая деградация империи, в том числе и военная. Рим пал.

Нашелся ответ и еще на один вопрос. Я много читал про Великий шелковый путь, по которому товары (шелк и пряности) двигались с востока на запад. А золото и серебро, соответственно, навстречу. И мне, уже после того как я стал заниматься экономикой, было интересно, как функционировала денежная система стран Западной Европы в условиях постоянного оттока денег, без их видимого (до 1492 г., открытия, скорее всего повторного, Колумбом Америки) притока. Ситуация с пиренейскими рудниками (а в Средние века – с рудниками в Рудных горах в Чехии, до которых римские легионы не дошли совсем чуть-чуть) ситуацию объяснила.

Понятным стало и то, почему в ситуации постоянной эмиссии в Римской империи так долго была достаточно низкая инфляция: выражаясь современным языком, ее внешнеторговый баланс был откровенно дефицитным, золото и серебро по Великому шелковому пути уходило в Индию и Китай. Как следствие, пока шло пополнение запасов серебра, денежная система Римской империи была стабильной. То есть несколько веков.

И за это время постепенно стала выстраиваться модель, которая потом, значительно позже, была распространена и на всю мировую экономику. Суть ее сводится к простой логике: **повышение частного спроса создает ресурс для углубления разделения труда, который, в свою очередь, приводит к росту производительности труда. В результате экономика выходит на следующий, более высокий технологический уровень .**

Верно и обратное: как только спрос по какой-то причине падает, поддерживать высокотехнологические институты и системы становится для экономической структуры слишком сложно (в следующих главах я более подробно объясню почему), и она начинает быстро деградировать. Как Россия в 90-е годы прошлого века, как Западная Римская империя в III–V вв. н. э. Как, весьма вероятно, США в ближайшие десятилетия. При этом остановить этот процесс на уровне чисто государственных решений обычно не удается, масштаб явления оказывается слишком глубок.

Напомню, что в этой главе я пишу только о направлении наших рассуждений, более или менее детальное описание проблем с углублением разделения труда, научно-техническим прогрессом, производительностью труда и т. д., и т. п. будет приведено ниже. Более того, эти рассуждения для описания экономической теории, в общем, не очень нужны. Но мне кажется, что российская традиция образования требует, чтобы были даны не только «очищенные» описания собственно теории, но и общенаучный контекст, в который вся эта конструкция вписана. Тем более это важно для науки общественной, которая, если уж претендует на хотя бы минимальную универсальность, должна объяснять события самых разных исторических времен и эпох. Поскольку люди, в общем, практически не изменились за последние 10 000 лет.

Для нас же эти рассуждения стали некоторой дополнительной верификацией рассуждений о сути капиталистической теории, поскольку ее элементы, как видно из вышесказанного, можно заметить еще в истории Древнего Рима, т. е. 2000 лет назад. При этом мы вскрыли еще одно очень важное обстоятельство – серьезную ошибку Карла Маркса, который писал о том, что смена общественных формаций идет по пути повышения производительности труда. Как показал опыт Рима, феодальная формация давала значительно меньшую производительность труда и концентрацию производства, чем в позднеантичном Риме, аналогичные показатели были достигнуты в Западной Европе только в XVIII–XIX вв., т. е. через 1500 лет и уже не при феодализме, а при капитализме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.